

Морозов Илья Леонидович

доктор политических наук,
профессор кафедры государственного управления
и политологии
Волгоградского филиала
Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ
КОНФЛИКТОВ С УЧАСТИЕМ РОССИИ –
ПОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ**

Аннотация:

В статье рассматриваются крупнейшие военные конфликты с участием России, позволяющие выявить геополитическую закономерность – вмешательство России в европейские дела неизбежно приводит к формированию антироссийской коалиции ранее враждовавших между собой государств. Автор приходит к выводу, что оптимальной геополитической стратегией для России является избегание вовлеченности в европейские конфликты и защита своих интересов политическими технологиями «умной силы».

Ключевые слова:

геополитика, безопасность, Ливонская война, Северная война, Отечественная война 1812 г., Первая мировая война, Вторая мировая война, Сирия, Россия, США, ООН.

Morozov Ilya Leonidovich

D.Phil. in Political Sciences, Professor,
Public Administration
and Political Science Department,
Volgograd branch of Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

**GEOPOLITICAL MODEL OF
CONTINENTAL MILITARY CONFLICTS
WITH PARTICIPATION OF RUSSIA:
SEARCH FOR PATTERNS**

Summary:

The article deals with major military conflicts involving Russia. The author reveals the geopolitical pattern – interference of Russia in European affairs inevitably led to the formation of an anti-Russian coalition, including even the countries that had been in enmity before. The author concludes that the optimal geopolitical strategy for Russia is to avoid involvement in European conflicts and defend its interests by "smart power."

Key words:

geopolitics, security, Livonian War, Great Northern War, War of 1812, World War I, World War II, Syria, Russia, the United States, the United Nations.

Классический геополитический императив военной активности государств на мировой арене исторически исходит из первичности борьбы за территорию стратегического значения. Несмотря на несколько ступеней методологической эволюции геополитики как науки и системы политического анализа, смещающих акценты внимания на «новые сферы» – воздушную, космическую, виртуальную (информационную), территория в ее географическом понятии по-прежнему остается главным носителем ресурсов экономической активности и ключевым источником существования людей. Усложняется лишь набор способов борьбы за территорию и способов контроля над ней.

Территория по-прежнему остается залогом суверенитета, источником военного, экономического, культурного влияния [1, с. 2–10]. Разумеется, потенциал территорий может быть реализован с разной степенью эффективности, вплоть до ее отрицательного значения. Известен феномен «ловушки больших пространств», которые при освоении и контроле поглощают гораздо больше ресурсов вторгнувшейся на них державы, чем могут ей дать в ходе последующей эксплуатации. Но искусство избегания подобной ловушки зависит уже от качества эффективности политического режима, осуществляющего государственное управление данными территориями.

Теория постиндустриала как современной фазы человеческой цивилизации дала развитие теориям «неокошечничества», подрывающим традиционные представления о государствах и нациях, модифицируя восприятие контролируемой ими географической территории как политической категории. Основой экономического могущества теперь представляется контроль над мировыми финансовыми потоками, осуществляемый по сетевому (ризоматическому) принципу с опорой на рассредоточенные по всему миру ключевые точки (ноды) – биржи, ведущие международную деятельность банки и фонды, финансовые клубы, аналитические и управленческие структуры крупных ТНК и НКО.

Мир «неокошечников» нацелен на упразднение национальных границ, подрыв государственных суверенитетов (неограниченное право народа воспроизводить власть и контролировать все процессы, происходящие на его территории) и разрушение национальных идентичностей. «Глобальная ризома» сформировала спрос на рабочую силу нового типа, что породило мобильный стандарт жизни, готовность наемных работников к унификации, в том числе и миро-

воззренческих установок. Вопрос безопасности данной «глобальной ризомы» и поддержания режима наибольшего благоприятствования ее функционированию решается за счет универсального военно-политического механизма – НАТО, чья деятельность поставлена выше норм международного права и Устава ООН [2]. Россия, отстаивая наследие сформировавшейся по итогам Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамской международной системы, в сложившихся условиях последовательно выступает за сохранение категории государственного суверенитета как права народа на неприкосновенность в рамках своей государственной территории и формирование политико-культурной среды гражданского патриотизма в противовес мировоззрению принципиально расставшегося со своей родиной «неокочевника» [3, с. 84–90].

Российская экономическая (и частично политическая) элита, вовлеченная в процесс глобализации, с 90-х гг. XX в. поддерживала данный тренд вестернизации, интенсивно интегрируясь в мировую экономику, переводя свои финансовые активы за рубеж, встраивая в западный социум свои семьи. Вестернизированная картина мира, сложившаяся в сознании представителей российского высшего класса, разрушилась весной 2014 г. после включения Крымского полуострова в состав Российской Федерации, в ответ на которое западные страны приступили к политике глобальной изоляции России.

Дискурс вокруг крымского прецедента и развернувшаяся на территории восточных регионов Украины гражданская война вновь актуализировали геополитический подход в оценке международной обстановки и прогнозов относительно возможности широкомасштабного военного конфликта на территории Европы. Ситуацию усложнила начавшаяся 30 сентября 2015 г. российская военная операция в Сирии, где сложилась реальная вероятность случайного или преднамеренного огневого соприкосновения российских и американских военно-воздушных сил. Хотя и Россия, и страны НАТО вошли в пространство Сирии для борьбы с террористическими группировками, восприятие союзников и противников в военной операции у российского и американского руководства различно.

В сложившейся ситуации представляется целесообразным провести выявление исторических закономерностей протекания военных геополитических конфликтов по линии цивилизационного разлома Россия – Запад [4, с. 46–72]. В качестве общеметодологического принципа следует придерживаться так называемой геополитической апперцепции, определяемой А.Г. Дугиным как «способность воспринимать совокупность геополитических факторов осознанно, с ясным пониманием и своей субъективной позиции, и закономерностей структуры того, что мы воспринимаем» [5, с. 157].

Первой стратегической попыткой Русского государства улучшить свои геополитические позиции в отношении западной цивилизации следует считать Ливонскую войну (1558–1583 гг.). Несмотря на локальную ограниченность данного военного конфликта, в нем впервые выявились неприятные для России геополитические константы, которые будут воспроизводиться в военных конфликтах далее.

Во-первых, разрозненность европейских стран оказалась категорией относительной и перед лицом русской опасности акторы европейской международной системы проявили склонность к консолидации. Вступив в войну со слабой Ливонской конфедерацией, Россия оказалась быстро вовлечена в вооруженное противостояние с наиболее сильными европейскими государствами региона: Польшей, Литвой, Данией, Швецией.

Во-вторых, выявилась многовекторная геополитическая уязвимость России – когда российские войска скованы затянувшейся военной кампанией на западном направлении, активизируются противники России на Востоке или на Юге (в данном случае Крымское ханство).

В-третьих, выявилась экзистенциальная привлекательность Европы для значительной части российской элиты и ее вовлеченность в европейские экономические интересы, соответственно, саботирование войны со стороны ряда боярских семей.

В-четвертых, война активизировала представление европейцев о «русской угрозе», что во многом породило стремление ответного удара и переноса войны уже на территорию России.

В итоге Ивану IV Грозному пришлось воевать даже не на два, а на три фронта: против блока европейских стран в Прибалтике, против Крымского ханства, против собственного боярства. Русский правитель не добился окончательной победы ни на одном из этих трех направлений, а после его смерти последовал династический кризис, затем гражданская война и польская интервенция, Россия оказалась в беспрецедентно тяжелом положении, сравнимом по нанесенному ей ущербу с татаро-монгольским нашествием времен Бату-хана.

Восстановив государственность и преодолев последствия Смутного времени, утвердив на престоле новую правящую династию, Россия в дальнейшем включалась в войны на европейском направлении с той особенностью, что почти всегда имела дело с раздробленной Европой в момент предельного обострения континентальных конфликтов и распада европейской системы

международных отношений. Это проявилось уже в ходе Северной войны 1700–1721 гг., когда Петру I удалось сформировать антишведскую коалицию, которая, впрочем, быстро распалась, оставив Россию один на один с грозным противником.

Военно-политическое возвышение революционной Франции и ее трансформация в империю Наполеона Бонапарта сделали российские войска желанным участником антифранцузской феодальной коалиции рубежа XVIII–XIX вв. и легитимировали их ввод в Европу. Новым фактором стало и то обстоятельство, что Россия впервые выступила в качестве охранителя и восстановителя европейской политической системы. Европа не смогла самостоятельно дать ответ на вызов нового политического феномена – бонапартизма, потерпев поражение в столкновении с французскими войсками. Равновесие в европейской международной системе восстановила Россия, на чьих просторах была уничтожена французская армия и иссяк полководческий талант Наполеона. Объединенная Европа ответила России Крымской войной (1853–1856 гг.), закончившейся военным поражением Российской империи и снижением ее геополитического статуса едва ли не до уровня, предшествовавшего наполеоновским войнам: «После 1856 г. Россия оказывала на европейские дела меньше влияния, чем в любой период после окончания Великой северной войны...» [6, с. 54].

Первая и Вторая мировые войны отличаются одна от другой и от предшествующих крупных военных континентальных конфликтов по идеологическому наполнению, но не по геополитическим закономерностям:

– Россия вступила в войну во время политической фазы «разобщенной Европы», когда русские войска являлись союзниками для одной из сторон конфликта.

– Россия играла важнейшую роль в ликвидации «мятежного» геополитического центра, разрушившего сложившуюся систему баланса сил, достигнутого военно-политическими союзами (вестфальский принцип) и по факту вызвавшего континентальную или мировую войну.

– Послевоенная Европа консолидировалась, победители и побежденные объединились общей задачей вытеснения России из европейского военно-политического пространства.

На участие России в антигерманской коалиции времен Первой мировой войны Европа ответила интервенцией стран Антанты и дипломатической блокадой Советского государства. Вторая мировая война из «горячей» фазы сразу перешла в «холодную», открытую фултонской речью У. Черчилля и завершившуюся ликвидацией СССР в декабре 1991 г.

Рассмотренные геополитические исторические модели позволяют сформулировать общий вывод, согласно которому прямое вмешательство России в европейские дела неизменно способствует снижению уровня разногласий и конфронтации между европейскими странами и порождает прямую или опосредованную антироссийскую агрессию с их стороны. При этом не имеет значения, с каким из европейских политических лагерей Россия пытается заключить альянс: с республиканской или наполеоновской Францией, с Пруссией или гитлеровской Германией, с Французской республикой или империей германского кайзера – результат одинаков, геополитический императив единого европейского пространства (заканчивающегося на российской границе) превысит все имеющиеся на его просторах идеологические или экономические разногласия. Вмешиваясь в европейский конфликт напрямую, Россия неизбежно обрекает себя на вторую фазу войны с объединенным западным миром. Поэтому на данном направлении эффективной будет исключительно «умная сила» [7, с. 32–108] с основной опорой на «мягкие» технологии продвижения положительного образа своей страны и экономические связи.

Экзистенциальная судьба России – евразийство [8, с. 22–26], и на этом направлении Москва как центр геополитической интеграции больших пространств действительно может предложить другим народам духовные, экономические, а при необходимости и военно-политические скрепы.

Ссылки:

1. Бельских И.Е. Многовариантный имидж территории на внутреннем и внешнем рынках глобального мира // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 29.
2. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. [Электронный ресурс] // Президент России : офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 02.10.2015).
3. Колесников В.А. Гражданский патриотизм и гражданская политическая культура в современной России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3–1 (29).
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
5. Дугин А.Г. Геополитика России. М., 2014.
6. Цымбурский В.Л. Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX вв. // Тетради по консерватизму. 2015. № 1.
7. Най С.Дж. Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М., 2014.
8. Суслонов П.Е. Евразийская философия государства и права // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2014. № 1.

References:

1. Belskikh, IE 2014, 'Multivariate image area on the internal and external markets of the global world', *Regional economy: theory and practice*, no. 29.
2. 'Statement by the President of the Russian Federation VV Putin at the 70th session of the UN General Assembly September 28, 2015' 2015, *Russian President: official site*, retrieved 02 October 2015, <<http://kremlin.ru/events/president/news/50385>>.
3. Kolesnikov, VA 2013, 'Civil patriotism and civic political culture in modern Russia', *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*, no. 3-1 (29).
4. Huntington, S 2003, *The Clash of Civilizations*, Moscow.
5. Dugin, AG 2014, *Geopolitics of Russia*, Moscow.
6. Tsymbursky, VL 2015, 'The morphology of Russian geopolitics and dynamics of the international systems of XVIII-XX centuries', *Notebooks on conservatism*, no. 1.
7. Nai, SJ 2014, *Future of Power. How smart power strategy changes XXI century*, Moscow.
8. Suslonov, PE 2014, 'Eurasian philosophy of state and law', *Bulletin of the Ural Law Institute of the Russian Interior Ministry*, no. 1.